

Никто не забыт, ничто не забыто

«Мы выросли в боях...»

...Малет на санитарный состав, увозивший раненых в тыл, был неожиданным и мощным. Рев моторов фашистских бомбардировщиков перекрывали взрывы рвущихся вдоль полотна железной дороги бомб. Прямых попаданий в поезд не было, но загорелись несколько вагонов и дым пожара, грохот взрывов, крики и стоны раненых, слились в единую страшную какофонию.

Восемнадцатилетней медсестре Гале хотелось кричать: «Мама!», закрыть глаза, заткнуть уши и спрятаться куда-нибудь от этого кошмара. Но война не оставляла времени на страх, и Галя с напарницей, которая была лишь ненамного старше ее, кинулись выносить из вагона сначала самых тяжелых. Те, кто был ранен полегче и мог двигаться, помогали им, как могли, а бомбы рвались и рвались вокруг, и казалось, что следующая попадет прямо в тебя...

Когда пожар перекинулся на их вагон, все раненые были уже в укрытии, никто из подопечных не пострадал.

Почему Галине Воробьевой из двух с лишним военных лет, чаще всего вспоминается именно это? Потому, наверное, что тогда особенно сконцентрировалось противоречивое ощущение, которое стало для нее главным чувством войны, — ощущение беспомощности и силы человеческой одновременно. И ощущение собственной необходимости: рядом всегда те, кому нужна твоя помощь.

На войне Галя Гавриловна работала медсестрой. Она так и сказала: «работала», потому что годы эти до сих пор вспоминаются ей, как самые напряженные.

...Война пришлось для Гали на самый нежный возраст — курсы медсестер она закончила в шестнадцать лет. Кончался 1942 год. Как самую юную, ее не послали на передовую, определили во «второй эшелон» — на строительство заградительных сооружений, где работала в основном те, кому пока не по плечу было участие в боях — выздоравливающие после ранений бойцы.

Но относительно спокойная жизнь их строительного отряда длилась недолго — вскоре его переформировали в 205-й отдельный отряд разминирования.

Отряд практически не принимал участия в боевых действиях, но его подразделения комплектовались людьми с большим запасом, — потери они несли не меньше, чем на передовой. Иногда шли вместе с нашими наступающими войсками, расчищая им проходы среди оставленных гитлеровцами минных полей. Иногда отставали от авангарда, обезвреживая от мйн отвоєванные города и села.

Обращаться с минами должны были уметь все, включая медперсонал отряда, поэтому

учиться приходилось непрерывно. А технику свою враг постоянно совершенствовал. Только освоят наши саперы очередную «новинку», научатся ее обезвреживать, как следует новая серия подрывов. И к напряжению этому, постоянному ожиданию чьей-то гибели привыкнуть было труднее всего.

Когда саперы выходили на задание, медработники занимали места в специальном укрытии, как предписывалось инструкцией. Часы ожидания тянулись медленно и больше всего угнетала эта вынужденная пассивность, невозможность предотвратить беду. В любую минуту мог грянуть взрыв, и тогда нужно было, не мешкая, прийти на помощь пострадавшему. Тут уже самой приходилось быть не только медсестрой, но и сапером, и Галя научилась обезвреживать мины не хуже чем делать перевязки.

Шла война, а вместе с ней по тяжелым и медленным, пыльным и заснеженным дорогам шагала юность Гали Воробьевой. Семнадцать лет запомнились для нее Курской дугой и взятием Смоленска. Отряду приходилось работать на полях уже отгретых великих сражений, обезвреживая и обезвреживая мины. В Смоленске смерть прошла в двух шагах от Гали. Она замешкалась, упаковывая в санитарную сумку медикаменты, и немного отстала от своих. Бросилась догонять, и когда до дома, в который вошла группа саперов, оставалось меньше ста метров, он на ее глазах взлетел на воздух — сработала очередная вражеская «новинка».

На маленькой любительской фотографии, сделанной в 1943 году, Галя снялась в лихой кубанке, подаренной смоленскими партизанами. Волнистая челка, широко открытые глаза, узкие плечики... Здесь ей восемнадцать и за этими плечиками уже два года войны.

Свой девятнадцать она встретила под Кенигсбергом. Запомнилась распутица, сырые туманы, размокшие вязкие дороги, по которым хлюпали тяжелые от влаги сапоги...

Здесь они попали на передовую. Перед решающим наступлением минировали места, на которые наши боем должны были навести немцев, а после сражений разминировали для своих проходы. Получая медаль «За взятие Кенигсберга», Галя не думала, что судьба еще раз сведет ее с этим городом. Тогда война шла к концу, все труднее было бороться с накопившейся за годы усталостью, и планы на мирную жизнь она не строила. Хотелось одного — отдохнуть, отоспаться, а потом уже...

...А потом Кенигсберг встречал ее аплодисментами. Она приехала со своим театром на гастроли в совсем мирный, отстроенный город. Днем сержант запаса Галя Воробьева бродила по его улицам, узнавала и не узнавала места сра-

жений. А вечером актриса Галя Воробьева выходила на сцену.

Да, она стала актрисой. Все ужасы и страдания войны не смогли погасить свет в юных распахнутых, выразительных девичьих глазах. Теперь он светил во имя и на благо искусства театра.

— В театральную школу при Калужском областном драматическом театре я поступила в общем-то случайно — за компанию с подругой, — рассказывает Галя Гавриловна. — Но случайность эта раз и навсегда определила мою судьбу. Я была так молода и уже столько наивдалась... И вдруг после всего пережитого — занятия историей искусств, спяническим движением, танцами... Это было лучшим лекарством. Погружаясь в атмосферу кулис, я оттаивала душой. Мне ведь было всего девятнадцать. Молодость брала свое...

Эти годы тоже запомнились ей трудом. Но трудом радостным, даже усталость от него была приятной. Днем — занятия в театре. После них — вечерняя школа.

Галя училась легко, с наслаждением — ведь впереди ее ждала сцена. А когда пришла работать в театр, еще не имея актерского опыта, Воробьевой довелось играть Зою Космодемьянскую и Ульяну Громову. И режиссеры, и критики отмечали удивительную зрелость ее психологической трактовки образов. Чего стоила зрелость молодой актрисы, мало кто знал — Галя не любила рассказывать о своем военном прошлом.

...Медаль «За отвагу» нашла Воробьеву в 1951 году в Даугавпилсе. Она играла в спектакле «Персональное дело» дочь главного героя, пятнадцатилетнюю Марьяну. Когда отзывались аплодисменты и закрылся занавес, на сцену вышел представитель военкомата. И растерянная Галя снова оказалась перед зрительным залом. Она получала награду прямо в гриме — скромная прическа, туфельки без каблука, короткая юбочка — девчонка! И зал аплодировал сержанту Воробьевой стоя.

...В Магаданском музыкально-драматическом театре Галина Гавриловна Воробьева работает уже пятнадцатый год. Сыграно много ролей в классических и современных пьесах. В спектакле «А зори здесь тихие...» довелось ей еще раз надеть военную форму, исполняя роль Риты Осяниной. Затягивая тогда перед выходом на сцену широкий солдатский ремень, смотрела на себя в зеркало, и сжималось сердце в смутной тревоге: защитный цвет для нее — цвет войны.

И хочется сегодня Галине Гавриловне, чтобы настали такие времена, когда военная форма будет висеть лишь в театральных костюмерных. Очень хочется.

О. КОХАН.